

Е.А.Ган

Рассуждение

Жизнь, желания, – как знать, где прервется нить ваша! Рассудок работает, уничтожает чувства, борет, душит бедное сердце. А как знать, не занесена ли уже и над нами булава судьбы. Не смеется ли рок нашим расчетам, нашему старанию отнимать у себя всякую былинку радости, морить себя голодом, чтобы сберечь кусок хлеба на завтра, когда это завтра, может быть, никогда не наступит для нас? *Мелочные расчеты, в которые вовсе не входит религия...* На горе возвышается курган с сельским кладбищем: почти ежедневно люди, чернея в отдалении, ползут к нему, несколько минут копошатся между крестов, – а потом возвращаются в деревню к своим замыслам, надеждам. Жизнь в городе видна в гораздо большем размере. Там человек рождается в огромном доме, живет и действует в огромном круге и, умирая, ложится на огромную колесницу, оставляя по себе слезы, траур, страницу в газете, мрак, памятник, или хоть занимая на несколько дней умы знакомых, которых у него так много. Это жизнь важная, жизнь искусственная. В деревне же она в самом миниатюрном размере, каковой создала ее природа. В городе живут и умирают действ[ительные] статские советники, князья, профессора, сенаторы. – Здесь есть только люди, здесь жизнь человека, зайца, муравья – совершенно равнокачественны. Родясь, человек ложится в корзинку из лозы в тесной лачуге, живет почти нагой, прозябает в самом крошечном мире, пьет, ест, распложается, умирает... Два, три соседа относят его на гору, закидывают землей, и ни истерики, ни рыданий, ни траура, ни памятника, ни малейшего изменения в жизни или привычках его ближайших родных не знаменует, что *он был и его нет!* Не это ли сущее наше без прикрас, без маски, которые обманывают нас самих, но не Провиденье! Нам ужасно хочется уверить себя, что мы *что-нибудь* [значим], мы бьемся, хлопочем, пока не прервется нить жизни. Ночь тиха, соловей заливается, веет аромат. О! Есть, есть счастье и в этом мире! Есть усладительные минуты бытия, но они в нас самих, не ищите их извне. Первое, высшее счастье, конечно, слить два бытия в одно, – но многим достается этот удел? Другим Провиденье одарило всякого: это беседа с природой, с собственной мыслью, с другим *я*, которое живет в нас безотлучно, лишь по большей части неразрешенное, забытое! Нет, днем приходят люди и замутят и снова втолкнут меня в суетный, денежный [мир]; и я снова буду муравей. А теперь я ощущаю в себе жизнь, ощущаю душу бессмертную, великую. Верю, что во мне также тлеет искра божественной души, которую *Он* вдохнул в природу.